
Борис Кузнецов
Обычный вторник

Борис Кузнецов

Обычный вторник

https://litres.ru/74810868
SelfPub; 2026

Аннотация

Он не спасал её. Он не был её кумиром. Он просто оставался — в обычные вторники, когда не было ни страсти, ни подвига, ни слов. Он варил борщ по воскресеньям, приходил с цветами, держал за руку, когда она плакала, и не говорил «не плачь». Она ушла, потому что боялась привыкнуть. Он не держал. Просто оставлял кастрюлю у двери. Каждый вторник. В семь. Эта книга — о близости без слияния, о надёжности без скуки, о любви без доказательств. О том, что иногда достаточно просто быть рядом.

Содержание

Борщ по воскресеньям 4
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Борис Кузнецов
Обычный вторник

Борщ по воскресеньям

Он просыпался в семь, без будильника. Свет за окном был серый, воскресный — не то чтобы пасмурный, а просто нерешительный. Он лежал ещё минуту, слушая тишину. В доме не скрипело, не капало, не гудело. Только холодильник на кухне урчал ровно, как старый кот.

Потом вставал. Надевал старые джинсы, серую футболку, шерстяные носки — пол холодный, хотя отопление работало. Шёл на кухню, ставил чайник. Пока вода закипала, открывал холодильник и смотрел на полки. Свёкла лежала в нижнем ящике, завёрнутая в газету. Капуста — в сетке. Морковь, лук, картошка, помидоры в банке, чеснок, лавровый лист, перец горошком. Всё как всегда. Он доставал свёклу, мыл её под краном, срезал хвостик. Нож тупой, но он не точил его уже месяц — руки привыкли.

Чайник щёлкнул. Он заварил чай в большой кружке с отбитой эмалью, сел за стол. Пил медленно, смотрел в окно. На улице было пусто. Соседский кот сидел на заборе, смотрел на него. Он кивнул коту. Кот не ответил.

В воскресенье он всегда варил борщ. Не потому что лю-

бил — он любил, но не так, чтобы каждую неделю. Просто так повелось. Ещё с тех пор, когда жил не один. Тогда борщ был ритуалом, поводом собраться за столом, поговорить. Теперь ритуал остался, а разговоры — нет. Он варил борщ для себя. Иногда — для соседа, который заходил за солью. Иногда — для женщины, которая приходила по вторникам. Но это было потом. А пока — только для себя.

Он взял большую кастрюлю, налил воды, поставил на огонь. Пока вода нагревалась, чистил свёклу. Нож скользил по тёмно-бордовой кожуре, оставляя на пальцах красные следы. Он не торопился. Тёр свёклу на крупной тёрке, потом морковь. Лук резал мелко, чтобы не чувствовался, но давал вкус. Всё это отправлял на сковородку, шипело, пахло. Потом — в кастрюлю. Капусту шинковал тонко, почти прозрачно. Картошку кубиками. Помидоры из банки разминал вилкой. Добавлял лавровый лист, перец, соль. Пробовал. Ещё немного соли.

Пока борщ варился, он мыл посуду. Не потому что любил чистоту — просто не мог сидеть без дела. Руки должны были что-то делать, иначе мысли начинали бродить. А мысли у него были не всегда спокойные. Иногда он думал о прошлом. О том, как жил с женщиной, которая не умела молчать. Как она говорила, говорила, говорила — о своих чувствах, о его недостатках, о том, каким он должен быть. Он слушал. Пытался соответствовать. Не получалось. Она ушла. Он не держал. Потом была другая. Тоже ушла. Он не держал. Привык.

Но иногда, вот в такие воскресенья, он думал: а что если бы он тогда сказал что-то другое? Если бы не молчал, а объяснил? Если бы не отпустил? Но это было давно. И он не жалел. Просто думал.

Борщ варился. Пахло так, что кот на заборе повернул голову. Он усмехнулся. Открыл окно, чтобы проветрилось. На улице пахло снегом — хотя снега не было, просто воздух был свежий, колкий.

Он сел на табуретку у окна, взял кружку с остывшим чаем. Смотрел, как пар от борща поднимается к потолку, как капли конденсата ползут по стеклу. Думал: а ведь дверь не заперта. Он никогда не запирал дверь днём. Только на ночь. Не потому что боялся воров — воровать у него было нечего. Просто не видел смысла. Если кто-то зайдёт — значит, зайдёт. Если нет — значит, нет.

Иногда заходил сосед. Просто так, сказать, что в подъезде опять лампочка перегорела. Или что видел в магазине рыбу, которую он любит. Или что его жена опять ругается, а он не знает, что делать. Он слушал. Кивал. Наливал чай. Сосед уходил, а он возвращался к борщу.

Иногда заходила почтальонша — не та, что с письмами, а другая, которая разносила квитанции. Она всегда стучала, но он знал, что она стучит, и не закрывал дверь. Она заходила, отдавала бумажку, говорила: «Опять за свет больше». Он кивал. Она уходила.

А иногда — женщина. Та, что потом стала приходить по

вторникам. Но это было потом. В тот день её ещё не было. В тот день был только борщ.

Он помешал борщ, попробовал. Готово. Выключил газ, накрыл кастрюлю полотенцем, чтобы настоялся. Посмотрел на часы. Половина двенадцатого. День ещё не начался, а главное уже было сделано. Он не знал, что будет дальше. Может, позвонит сестра, спросит, как дела. Может, зайдёт сосед. Может, никто не зайдёт. Но дверь была открыта. И борщ был готов. И этого было достаточно.

Он налил себе полную тарелку, сел за стол. Хлеб — чёрный, нарезанный толсто. Сметана — в банке, ложкой. Ел медленно, смотрел в окно. Кот ушёл с забора. На его месте сидела ворона. Он посмотрел на ворону. Ворона посмотрела на него. Он поднял ложку, как будто предлагал. Ворона не оценила. Улетела.

Он доел борщ. Помыл тарелку. Сел на диван, взял книгу — старую, с пожелтевшими страницами. Читал, пока не стемнело. Потом встал, закрыл окно, запер дверь. Лёг спать. Завтра — понедельник. Обычный день. Но он знал, что во вторник будет борщ. И, может быть, кто-то придёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.